

Евгения Матикова

БЕЛЫЙ

Когда Федя притащил ангела в дом, матери не было.

Ангел оказался очень легким, хоть и выглядел как настоящий мальчик лет трех, с тонкими руками и ногами, торчащими из-под белой рубашки.

Федя стащил его с санок, пронес через сени, уложил на высокую кровать с периной. Кровать заскрежетала, и солнце показало испуганные пылинки.

Ангела Федя нашел в лесу. Лес начинался на холме, похожем на верблюжий горб, за который обычно уходит солнце-яичница. Ангел лежал под высокой старой сосной, пушистой с одного бока и обтрепанной с другого, на колючем апрельском снегу, бездвижно и смиренно, и был таким белым, что Федька его едва заметил. «Может, из гнезда выпал», — подумал Федя, но никакого гнезда на сосне не было.

Дом, где жили мама, Федя и его брат Саша, был выкрашен в темно-зеленый цвет. Но с тех пор, как умерла бабушка, дом не красили, краска облупилась и выцвела, и дом стал похож на соленый огурец. В нарядных, выкрашенных домах в деревне жили только те, кто работал на молокозаводе, приличного строгого вида была кирпичная школа, которую пять лет назад закрыли из-за недостатка детей в деревне, и белая нарядная часовня, которую еще не достроили.

Федя уложил ангела и сел рядом на стул, чтобы отдышаться. В доме было зябко, пахло сыростью и лекарствами, нервно тикал будильник. Он сидел и пытался услышать, когда придет его мама. Ему всегда казалось, что он слышит ее шаги, даже когда она еще за калиткой, за перекрестком, за деревней.

Федя смотрел на мамину большую фотографию на стене — густые волнистые волосы, скулы, длинная шея и плечи. На фотографии подпись — Люба Ильина. Федя не умел читать, но старший брат Саша выучил с ним букву, прописную Л, и Федя часто чертил ее на полях газет карандашом или на пыльных обочинах палкой. Рядом висели их с Сашкой фотографии, сделанные три года назад. Саша — серьез-

ный, пошел в первый класс, темные волосы вьются, сидит смирно, глядит умно, излучает надежду на большое будущее. Рядом — фото трехлетнего Феди, белобрысого и лопухого, голова круглая, как у отца-пьяницы, улыбается во весь рот.

Уже наступили сумерки, деревню будто накрыли крышкой, а белый ангел так и лежал неподвижно. Федя подносил ухо к его груди, чтобы найти сердце, но ничего не услышал, а потом поднес пальцы к его носу и поймал еле уловимое теплое дыхание. «Значит, живой», — обрадовался он.

Мама и Саша пришли очень поздно, они были в городе в центральной больнице.

— Мам, смотри, кого я нашел! — вскочил со стула Федя, как только они появились на пороге.

Мама и брат вошли в комнату. Мама откинула одеяло и увидела худого и странного незнакомого мальчика. У ангела была кварцевая кожа, полупрозрачная, хрупкая, тонкая, как замерзшая утром осенняя лужица, надавишь на нее — и с треском нарисуеться паутина трещин, а из них засочится холодная серо-голубая вода. Волосы у него были пушистые и почти белые, еще не налитые цветом, как у годовалого ребенка, а губы — ярко-розовые. От него пахло свежестью и прохладой, будто он состоял из лесного воздуха. Из-за спины у него торчали крылья, совсем маленькие, цыплячьи. Мама осторожно перевернула его на бок и потрогала их, настоящие ли. Крылья были настоящие и росли прямо из лопаток.

— О, Господи, — прошептала мама.

— Настоящий, что ли... — удивился Саша.

— Мы играли с Ибрагимом у школы, а потом я хотел идти вас встречать, — Федя говорил быстро, запинаясь, — ... и мимо часовни пошел, которая строится, а там свечка горела, настоящая! А я желание загадал — пусть Сашка выздоровеет — и свечку задул. А потом на холме нашел вот его. Он настоящий! Волшебный! Он нам поможет, мам!

Мама по привычке хотела отругать Федю, что опять водился с приежжим Ибрагимом и один пошел на холм, а по дому ничего не сделал, но остановилась, замолчала.

Они долго стояли втроем, уставившись на ангела, не понимая, кто он и что с ним делать. Осторожно трогали его, боясь прикасаться к прохладной коже, укрывали одеялом и двумя пуховыми платками сверху, аккуратно брызгали на него водой, чтобы очнулся. И он

очнулся. Открыл глаза, промычал что-то, выпил теплого молока и снова заснул.

Ночью стало тихо. Дом наполнился густой темнотой. Федя долго ворочался с боку на бок, но спал крепко и безмятежно, как спят дети после волнительных праздничных дней. Саша часто просыпался, то от боли, то от кашля, скрипел железной кроватью, а мама Люба не спала почти всю ночь. Она не могла объяснить сама себе, но чувствовала, что незнакомый странный мальчик, волшебный ангел — ее заслуженная награда за то, что жизнь не сложилась, что так рано умерла мама, что приходится убиваться на двух работах, а денег все равно не хватает, что болеет Саша и никто не может его вылечить. Люба была уверена, что ангел — ее заслуженное чудо.

Утром они проснулись, и каждый почувствовал, что в доме стало как-то светлее, свежее и будто бы просторнее, то ли потому, что апрельское солнце светило ярче и дольше и весна наполняла улицы жизнью, а может оттого, что от ангела пахло хвоей и зеленью.

Саша предложил называть его просто Белый, потому что никто не знал, человек он или нет.

Белый был слаб, истощен и будто бы болен — не мог есть, только пил молоко, не мог говорить, но все понимал, улыбался сам себе и гулил, как ребенок. Его кормили, одевали, умывали и причесывали, не хлопали дверьми и тихо разговаривали, когда он спал. И с каждым днем Белый становился свежее, крепче, белее, а крылья его росли.

Больше всего о Белом любил заботиться Федя. Он разговаривал с ним, обнимал, и часто они вместе смеялись непонятно чему.

Теперь мама Люба приходила домой с работы в хорошем настроении, будто бы и не уставала. По вечерам она вязала тяжелые пуховые платки и варежки, продавала их и покупала молоко, сметану и сливки у соседки.

— Молоко от всех болезней,— говорила ей соседка, отдавая вместо привычной одной банки три.— Но ты Сашу к бабке-то свози на всякий случай. Это ж сглазили его, я тебе говорю. Вот и врачи даже болезнь назвать не могут!

Люба кивала и спешила домой. Она поила Белого теплым парным молоком, делала разрезы для крыльев на старых Фединых кофтах, чтобы одевать его, нежно причесывала, иногда называла «мой мальчик» и радовалась, замечая, что каждую неделю его крылья растут. Она смотрела на него с радостью и гордостью, как смотрит хозяин на свой богатый урожай, как мастер смотрит на свою совершенную поделку.

Саша много кашлял. Ему казалось, что его легкие вымазали грязью, и эту грязь невозможно выкашлять, избавиться от нее — каждый день она вытягивает из него маленькими порциями силы и надежду. Каждый раз, когда Саше становилось очень плохо и казалось, будто его тело выжимают как мокрую тряпку, Белый приходил к нему, садился на кровать и держал его за руку. Тогда Саше становилось легче, и он мог рисовать в клетчатых тетрадках поезда с острыми локомотивами, похожими на пулю, спортивные машины, по форме похожие на обточенный морем галечный камень, остроносые самолеты и ракеты. Он рисовал обычной дешевой ручкой старательно, аккуратно; по-инженерному дотошно продумывал каждую деталь и следил за симметрией. Изрисованные тетради он прятал на шкафу, чтобы не достал Федя и не увидела мама.

— Поскорее вылечи моего брата, — слышал он, как шептал Белому Федя, когда гладил его по уже большим, оперившимся крыльям, на ощупь похожим на тонкий настенный ковер с оленями, который висел рядом с маминой кроватью. — Саша поправится, и мама будет с нами играть, мы даже в город съездим, я обещаю! — Но в ответ Белый или бессвязно мычал, или восторженно улыбался.

К концу лета крылья у Белого выросли почти до колен, Федя гладил их и мечтал, что они вместе когда-нибудь полетают, Саша почти всегда лежал в кровати, у него не было сил гулять, он разговаривал все реже и тише и только рисовал в тетрадках самолеты, улетающие в облака, и ракеты, удаляющиеся от Земли.

Когда пришел ноябрь, и небо будто накрыли пыльным мешком из-под картошки, а трава стала ржавой и мокрой, Саша почти не вставал. Грязь в его груди засохла, и кашель стал совсем безнадежным. Люба снова начала давать ему лекарства, от которых Сашу тошнило.

— Не играй с Белым, — раздраженно говорила она Феде, — не отвлекай его. Ему дело нужно сделать, а ты мешаешь ему.

Она все чаще сажала Белого на кровать к Саше, и его боль немного утихала, но болезнь не отступала. Люба купила лампаду и каждую ночь зажигала ее перед иконами, доставшимися от родителей. Иногда молилась, поглядывая то на иконы, то на Белого. Молилась робко, без надежды, будто стучалась в дверь к большому занятому начальнику, боясь его побеспокоить, уверенная, что ее все равно не услышат, не пустят, грубо крикнут: «Он занят».

Была долгая и черная ночь. Саша не мог заснуть, потому что стучал дождь, однообразно и бесконечно, как стучит железная дорога. Он опять кашлял и стонал, и Люба почти не спала. Она вставала, делала уколы, переносила Белого на Сашину постель.

— Ну давай, вылечи его, — тихо просила она. — Почему ты его не лечишь?! Ты не понимаешь, как? Ну, так спроси, спроси у Него, — Люба кивнула в сторону икон, отражающих свет лампы. — Ну? Лечить скорее надо, слышишь, зимой ему еще хуже будет.

Но Белый только улыбался.

— Все хорошо у меня, мам, не волнуйся. Мне легче. Иди спать, — отвечал матери Саша.

И она погладила Сашин лоб, его густые волосы, укрыла, легла и заснула, когда в окно ударились сто тридцать шестая капля.

Белый мальчик сидел на кровати и гладил Сашу своей рукой с тонкой, почти целлофановой кожей, и Саше по-настоящему становилось легче. Саша чувствовал, как сдавливающая боль, похожая на огромный невидимый пресс, наконец, отступила, и из легких пропала вся тяжелая и склизкая грязь, и он смог, наконец, легко дышать.

Саша спокойно проспал всю ночь, а утром умер.

Люба больше не вязала, не ходила к соседям за молоком, не ездила на работу, не провожала Федю в школу. Она куталась в старый изношенный серый платок и лежала, притянув колени к подбородку. Иногда она слышала, как Федя с Белым хрустят квашеной капустой и огурцами,

как Белый что-то лепечет на непонятном языке, как расправляет свои уже огромные крылья, как Федя бормочет себе под нос, пытаясь сделать уроки. Каждый звук будто колот ее, не хотелось ничего слышать, ничего думать, ничего решать. Она хотела изолироваться, погрузиться в вакуум, в защитную оболочку, остаться без звуков, запахов, мыслей.

Люба слышала, как лепечет Белый, и ничего не понимала. Она кормила его и, без того уставшая, вязала ночами, чтобы иметь еще хоть немного денег — для чего? Почему он делал Саше легче, но так и не вылечил его? Зачем он появился, но не принес никакой пользы? Для кого он был создан, если не смог сделать чудо? Большой и вечно занятый начальник будто снова хлопнул тяжелой дверью прямо у нее перед носом, Люба чувствовала себя обманутой, маленькой, незаметной и ненужной.

Первым морозным днем выпал снег. Посыпал на замерзшую дорожную грязь, на сухой бурьян, на треугольные крыши домов. Снег шел недолго, старательно сшивал небо и землю, прятал горизонт. В доме стало прохладно, Люба лежала на диване и вдруг очнулась. Из соседней комнаты она услышала звук бьющейся посуды, хлопающих крыльев и радостного гуления. Люба осторожно поднялась с дивана и прошла в соседнюю комнату.

Белый, распахнув свои большие белоснежные крылья, парил у потолка и улыбался. Люстра была разбита, шторы упали, на полу валялись осколки посуды, фотографий, висевших на стене, опрокинутая скатерть, разбитый будильник, со шкафа попадали Сашины тетради — валялись измятые и порванные. Белый мальчик научился летать и искренне радовался долгожданному умению.

Люба замерла, глядя на растрепанного и счастливого ангела. Медленно оглядела комнату, долго смотрела на рисунки самолетов на дрожащей от взмахов крыльев странице упавшей тетрадки, а потом быстро надела куртку и накинула на голову платок. Обулась в валенки и вышла во двор. В сарае достала Федины санки, подкатила их к дому. Зашла в дом, схватила Белого за ноги и обвязала его платком, чтобы он не мог двигать крыльями. Усадила его на санки, укрыла тонким шерстяным одеялом и покатила.

Санки ехали тяжело, нежный первый снег таял и обнажал подмерзшую грязь. Люба шла быстро, как только могла, часто вдыхала холодный воздух и, наполненная злой энергией, бубнила себе под нос:

— Раз ничего не можешь, то и нечего тебе с нами жить. Вон, летать научился, откормили тебя, так и лети себе откуда пришел. Зачем появился? Это все Федька... притащил тебя... глупый ребенок. На тебя только молоко переводить. А польза от тебя какая?

В гору ехать было очень тяжело, и дыхание у Любы сбилось. Белого уже начал грызть мороз, он дрожал и постанывал.

— Кто виноват?!.. Ты и виноват. Заставил в себя поверить, думала, ты и правда ангел, а я, дура, и поверила. А может, надо было лучше к бабке той сводить...

В лесу Люба без труда нашла ту единственную сосну, стащила Белого с санок и усадила, прислонив к стволу. Развязала крылья. Он дрожал, скулил и хватал Любу за руки, цеплялся за ее пушистый платок, пытался прижаться к ней, чтобы согреться.

— Ну все, лети давай. Кыш, говорю, лети.— Люба замахала руками, но Белый остался сидеть под деревом.

Она схватила веревку и поволокла санки домой, не оборачиваясь.

— Не виноват... А кто тогда виноват?! Саша? Федя? Я? Бог? Кто виноват-то? Он один и виноват. Вот и наказание ему. Заслужил, пусть и летит теперь,— убеждала себя.

Люба вышла из леса и остановилась. Ноги ее совсем не слушались, а пальцы не разгибались от впивавшейся веревки санок. Спина ныла, и болели плечи. Она села на санки, чтобы отдохнуть, и глядела вниз, на деревню. Видела посыпанные снегом дома, старые и тусклые, окруженные огородам и сараями, заброшенную школу в два этажа и с футбольной площадкой, недостроенную высокую часовню, дорогу, только наполовину покрытую асфальтом, крошечную избушку — фельдшерский пункт. «Скоро Федя должен из школы приехать», — вспомнила Люба и представила, как он придет домой и расстроится, расплачется от того, что никого нет, ни мамы, ни Белого. Она обернулась назад, увидела за деревьями верхушку обтрепанной одинокой сосны. В горле у нее стало тесно, ей хотелось, чтобы кто-нибудь ее обнял и разрешил, наконец, наплакаться вдоволь. Она поднялась и быстро, как только позволяли ей уставшие, непослушные ноги, пошла в лес. Белый мальчик все так же сидел под сосной, кутался в свои огромные крылья и дрожал. Увидев его,

Люба еле заметно улыбнулась, развязала свой серый платок, подошла к Белому и укрыла, потом взяла его ладони в свои, подышала на них, сжала, чтобы согреть. Снова пошел мелкий, тихий снег. Люба обнимала ангела и чувствовала, что спина больше не болит, ноги не ноют и в горле больше не тесно.

И она поняла, зачем им нужен Белый.

